



ОТБОРОЧНЫЙ ТУР

Живет в Нижнем Новгороде (Россия). Визитная карточка автора, желающего принять участие в 1-м туре конкурса.

Двери

День отвоеван, исписан набело,
чье светозримое океанство
волнообразие снов ослабило,
разглаживая пространство.

Вечер исполнен соблазна, сумерки

густо текут, как ликер миндалевый,
усилив крепость архитектоники
градусом чувственного марева.

В потных слоях
к твоему острожью
подкатывает нечто изрядное,
носорожье.

Мокрое дышащее животное –
оно смотрит, мыслит
пульсацией зрачка,
корректирует данные, меняет вводные,
регулируя равновесие
с помощью мозжечка.

Ночь – универсум условных рефлексов,
органическая империя
с сигнальной опорой,
фатум-Вселенная,
из которой,
демонически звякая, набрасывая хитон
затемнения
на сознание матрицы тонкокорой,
механическая кукла-хамелеон
рождает монстра твоих сношений,
грязного монстра твоих сношений

= не обманывай себя –
эти грязные всплески сладостны =

Но
вожделение,
тестостерон,
опасный танец, завораживающая маниакальность,
космические вибрации,
биение, дрожь,
вся твоя сексуальная гетерофункциональность –
лишь ожившая пустыня тела,
ожившая пустыня твоего тела.
(среди бела дня смотревшаяся осиротело).

= попытки себя рассекретить
безадресны =

Проскочи стадию иллюзорности,

познав границы ее переходности,
войди с изнанки в свою инаковость,
в речитативность коды, ее бестактовость,
как у Шопена в N-dur ноктюрне.

Стань малой формы
миниатюрнее.

Под ритм шамана
тени колышутся,
теперь как слышится,
так и дышится.

Стань безупречным,
простейшим,
рифом,
водорослью,
как когда-то был
грифом,
парящим над мертвыми
в Междуречье.

Вспомни обличие
дочеловечье.

Жизнь – не бумага, но в отношении срама
стерпит немало, приумножая стыд,
боль есть масса страданий, и росчерк шрама
напомнит, где ты был неприкрыт.

И да, вся экзистенция – раны,
что ощутимей у отвесной черты.

Там – за чертою этой тщеты –
сплошь целомудренные истуканы.

Перебирая свои потери,
не спеши стать черепом в интерьере,
разреши душе проходить сквозь двери,
освободи ее от себя.

Врасти терпеливо свое «Я» в «НЕ-Я».

Прими «распад в чистое существование» вне
привычных связей, ассоциаций – зане,
как говорил Моррисон, ибо был искушен,

«когда распад в чистое существование завершен,
объект волен стать бесконечно чем-то».

Теперь ты – это он. Черед выбирать!

Или почисти зубы
и ложись спать.

О динамических процессах (посвящается брату)

С возрастом тягостнее
дни рождения,
настырно подчеркивающие
нахождение
в том настоящем, откуда будущее
видится радужным
только мозги пудрящим.

В горячке нервов
замедляется зрение,
отзываясь на
гидравлическое сопротивление
условного радиатора
твоей брэнной сущности,
теряющей в мощности
на фоне звучности.

Но что-то есть в нашем разуме бдеющем,
иногда робеющем, как и мы стареющем,
что-то, вытаскивающее нас из комнаты,
в которой сидеть убеждали доводы, –
во имя шагов на сбитом дыхании,
чтоб снизить
удельное затухание
в волокнах светораспространения
ради возможности их удлинения.

Да, что-то есть...
И сквозь нашу замызганность
и горькие пьянки
проступает ИЗБРАННОСТЬ,
хоть ее не чувствуем,
как и тело – душу,
(моряк верит в море,

не доверяя суше).

Да, мы не чувствуем,
и в полете бреющем
мы себе представляем чем-то чернеющим,
чем-то, сливающимся с общим планом,
искаженным в пространстве чужим экраном.

Поглощаем кофе,
чистим ботинки,
торгуем собой на житейском рынке,
цепляемся за слова
и картинки,
с собственным возрастом
устраивая поединки.

Ищем банального наслаждения
как подсознательного вознаграждения
за все накопленное раздражение
и ненакопленные сбережения.

Но спасибо воле и тому самому,
что возвращает к размышлению здравому,
напоминает, стирая мелочи,
есть не только сволочи,
но и светочи.

Да, спасибо воле и тому важному,
что очищает следы рукопашного
боя
в шаге от сумасшествия,
воплощая ангела,
что нам предшествует.

Вот так, с нагрузками, а все же движемся.
«Привет-пока», «созвонимся-спишемся».
Приводя тела к нулевой плавучести*,
дефицит общности возмещаем кучностью.

И возвращаемся жадным небом
в «свои палестины» сольных гипербол,
где уходим вразрез – по иным коридорам,
чтобы «море внутри» отзывалось новым...

чтобы «море внутри» оставалось домом...

Наше Я – все же больше, чем Я оболочки,
мы есть скорость смещения
с мертвой точки,
мы есть степень сращения с
мыслящим глазом
в переходных туннелях
арт-рока с джазом.

* Нулевая плавучесть – гидростатическое равновесие

Одному художнику

Геометрия жизни
полна неравенств,
овеществление –
спорных «владений».
Но мысль жаждет формы,
пластических таинств,
а воплотившись,
ищет свидетельств.

Синтез органики из неорганики
возможен в туманностях,
когда речь о космосе,
но у тебя
в неземных первоначальностях
весь генезис – предлог
говорить о Хроносе.

В твоём за временем
акварельном уходе
в кротком лиризме
осенней дремотности
есть какое-то привораживание
созерцающего
к мимолетности,

есть развалин облагораживание
и всякой крошащейся бесполезности,
какую зрачок на свой лад выпрашивает,
смыслящий в опыте бессловесности.

В шепоте тленного –
смутное памястье,

Лариса Гусева. "Сквозь бытование и символизм"

Автор: Оргкомитет
22.10.2016 02:00

твои картины
его улавливают.
Духи Преджизни
чертог протапливают,
но ты и они –
между вами равенство.



{jacomment off}